

УДК 930.2

О ВЛИЯНИИ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ХАРАКТЕРА ОСНОВАТЕЛЯ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ НА ЕЕ РАЗВИТИЕ

Е.С. Кирсанова

Северская государственная технологическая академия

E-mail: kirsanov@ssti.ru

На основе анализа биографии выдающегося русского историка В.И. Герье рассматриваются сложные коллизии идейных и личностных взаимоотношений между основателем научной школы и его учениками в ситуации, когда учителем оказывается человек с «тяжелым» характером.

Зная о большом вкладе ученого-историка в развитие науки, о его роли в создании научной школы, естественно предположить, что за этим вкладом и ролью, стоит не только его научный и педагогический таланты, но и черты характера, привлекательные с человеческой точки зрения: терпимость, открытость в общении с коллегами и учениками, отсутствие раздражительности в отношении оппонентов и т. д. Биографии многих историков подтверждают справедливость такого стереотипического ожидания. Но не редки случаи, когда упомянутые черты характера были явно не присущи ученым, вошедшим в историю исторической науки, как создатели научных школ. Почему их «тяжелый» характер не становился причиной отторжения от них учеников? Как он все же сказывался со временем на взаимоотношениях учеников с учителем? Возможно, ответы на эти вопросы нам удастся получить, опираясь на анализ биографии профессора Московского университета В.И. Герье (1837–1919) — ученого, воспитавшего многих русских исследователей всеобщей и русской истории (Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов, М.С. Корелин, С.Ф. Фортунатов, П.Н. Ардашев, Р.Ю. Виппер и др.).

На первый взгляд, трудно понять, чем В.И. Герье завоевывал сердца студентов-историков, избравших его своим наставником. Он был далеко не блестящим лектором. «Самая его внешность, — вспоминал П.Н. Милюков, — не располагала в его пользу. Сухой и длинный, с вытянутым строением нижней части лица, производившей впечатление лошадиной челюсти, с пергаментной, морщинистой кожей, всегда застегнутый на все пуговицы, с неподвижным, каким-то стеклянным выражением глаз, с тонкими губами, иногда растягивавшимися в пренебрежительно-насмешливую улыбку, он как будто боялся уронить свое достоинство и отделял себя от слушателей непреступной стеной» [1]. О занудливой придирчивости В.И. Герье на экзаменах студенты сочиняли анекдоты. Один из них приведен в воспоминаниях А.А. Кизеветтера: «За столом сидят три экзаменатора: протоиерей Сергиевский, философ Троицкий и Герье. Сергиевский говорит студентам: «Верь, не то будет единица», Троицкий говорит: «Не верь, не то будет единица», а Герье говорит: «Верь — не верь, а единица все равно будет» [2]. Перед строгостью В.И. Герье робели не только студенты, но и маститые преподаватели. «Как-то,

— рассказывает Кизеветтер, — два философа Лопатин и Сергей Трубецкой, вознегодовав на какие-то произвольные распоряжения Герье на женских курсах, решили немедленно поехать к Герье и выложить ему «всю правду». Едучи к Герье на извозчике, они были настроены очень воинственно. Но лишь только они вошли в кабинет Герье, язык у них прилип к гортани. Они просидели у Герье целый вечер, мило болтая о том и о сем, да так и уехали, не решившись коснуться цели своего посещения» [2].

Мемуаристы единодушны в отрицательной оценке тех черт характера В.И. Герье, которые постоянно проявлялись в его общении даже с близкими ему людьми. По словам одного из его учеников Ю.В. Готье, «... резкость, холодность, облик в виде ножа ... отвращали от него людей, заставляли его бояться; кроме того, у него был недостаток такта, который нередко доставлял ему ненужные неприятности и столкновения» [3]. «Характер Герье, — вторит ему А.А. Кизеветтер, — был строптивый, капризный, язвительный. Тяжелый он был человек» [2].

Чем же мог подкупать такой человек молодых людей, записывавшихся на его лекции и семинары, а впоследствии обращавшихся к нему с просьбами руководить написанием их магистерских и докторских диссертаций? Тем, что от многих своих коллег В.И. Герье отличался не только чрезмерной сухостью, капризностью и язвительностью, но и истовой преданностью науке, проявлявшейся в искреннем желании обучить мастерству историка тех, в ком он обнаруживал подкрепленное талантом стремление встать на стезю научного творчества.

Одна из главных целей семинаров, которые В.И. Герье первым в России начал использовать при подготовке историков, по свидетельству его самого, как раз и заключалась в том, чтобы выявлять студентов, наиболее «способных к научной работе». Над последними устанавливалась заботливая опека, которая продолжалась вплоть до защиты магистерской, а иногда и докторской диссертации. Н.И. Кареев, Н.Г. Виноградов, М.С. Корелин, В.Ю. Виппер, П.Н. Ардашев, С.Н. Котляревский, Е.Н. Щепкин и многие другие ученики Герье были обязаны ему не только как ученому и педагогу, который разбудил в них интерес к всеобщей истории, но и как человеку, который поверил в них и поддерживал на первом этапе их научного поприща.

Формы поддержки воспитанников были разнообразны. Попадая в число учеников В.И. Герье, будущие историки получали возможность принимать участие в обсуждении научных вопросов в неформальной обстановке. В 70–90-е гг. XIX в. такие обсуждения В.И. Герье организовывал регулярно у себя на дому, приглашая на них как молодых студентов, так и своих учеников прошлых выпусков. Во многом благодаря таким неформальным контактам и возникло уникальное научное объединение, включавшее историков, принадлежащих к разным поколениям и придерживавшихся порою разных политических и исторических взглядов — школа В.И. Герье.

Как научный наставник, В.И. Герье чрезвычайно заинтересованно относился и к выбору темы исследования своих воспитанников и к результатам их работы на любом ее этапе. Темы их магистерских и докторских диссертаций были избраны ими или непосредственно по рекомендации В.И. Герье или с его согласия. О том, насколько напряженный характер порою принимал поиск темы диссертации, можно судить по переписке В.И. Герье, находившемся в 1882–1883 гг. на отдыхе в Швейцарии, с М.С. Корелиным [4], который после окончания университета долго не мог определиться с темой своего будущего исследования. Из письма в письмо идет диалог, в котором предпочтения самого М.С. Корелина доброжелательно, но, тем не менее, открыто подвергаются сомнению его учителем; а от тем, предлагаемых учителем (в этой переписке В.И. Герье одну за другой рекомендует М.С. Корелину пять тем будущей диссертации) М.С. Корелин столь же доброжелательно отказывается. Компромисс, найденный в итоге этого спора (тема «История и историография раннего гуманизма»), в конечном счете, устроил и В.И. Герье, и М.С. Корелина.

В 1885 г. почти такой же процесс определения темы диссертации отразился в переписке В.И. Герье с другим его учеником Р.Ю. Виппером [5]. Вот начало этого процесса: «Первое и главное, — пишет Р.Ю. Виппер, — в чем я просил бы помочь мне. Хотелось бы выбрать тему, которая дала бы простор самостоятельной работе, но которая не погубила бы вместе с тем своими размерами ... Позвольте узнать Ваше мнение о некоторых темах, которые меня занимают; может быть, из них Вы найдете подходящие, может быть, укажете мне сами другие в той или иной области. Во-первых, я думал об эпохе и личности Юлиана... Затем я останавливаюсь на брошюрах эпохи Французской революции; я припоминаю, что Вы еще на диспуте Кареева указывали на неразработанность этого вопроса. Потом мне приходила мысль обратиться к новейшей истории и выбрать тему из истории объединения Италии. Наконец, я думал о вопросе по историографии — и тут исходным пунктом служила для меня тема, которую Вы мне предлагали для кандидатского сочинения и которую, как очень сожалею теперь, не взял — скептицизм Бейля; эту тему можно было бы расширить, взяв скептическое направле-

ние в XVIII веке». Обратим внимание на то, что среди перечисленных Р.Ю. Виппером тем пока отсутствует тема его будущей диссертации «Церковь и государство в Женеве XVI в. в эпоху кальвинизма». Эта тема была предложена ему В.И. Герье, за что Р.Ю. Виппер высказывает ему благодарность в одном из писем 1894 г., написанном вскоре после защиты диссертации. «Не знаю, — писал Р.Ю. Виппер, — как и благодарить Вас за все заботы Ваши ... Одно удовольствие мне теперь вспоминать всю историю своей работы, и я много, много обязан Вам, что это вышло так, а не иначе».

Приведем аналогичное признание благодарности, высказанное другим учеником В.И. Герье П.Н. Ардашевым, после выхода в печати его произведения «Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка (1774–1789 гг.)»: «Вы были его внушителем, Вы были руководителем его автора, Вы, наконец, были виновником появления его в печати. Вам принадлежит его начало. Вам же принадлежит и его конец. Вам обязано оно своей идеей и Вам же оно обязано настоящей своей материальной оболочкой» [6].

Ввиду частых отъездов за границу как учеников В.И. Герье, так и его самого, они временами теряли возможность непосредственного общения друг с другом, но благодаря интенсивной переписке, обмен научными идеями и оценками между ними никогда не останавливался. Архив В.И. Герье хранит много писем от его учеников, в которых они доверительно делились своими соображениями о прочитанном, увиденном и задуманном. В каждом же из архивов учеников В.И. Герье хранятся десятки писем В.И. Герье, в которых он обстоятельно отвечал на поставленные вопросы, делал скрупулезные разборы представленных на его суд идей, предложений, оценок и мнений. Переписка продолжалась даже тогда, когда взгляды и жизненные позиции его воспитанников (Н.И. Кареева, П.Г. Виноградова, П.Н. Милюкова) начинали явно конфронтировать с его собственными. В оценках В.И. Герье в последних случаях появлялись, возможно, излишние желчь и ирония, но никогда — безразличие.

Этим также, возможно, объясняется тот факт, почему школа В.И. Герье, не смотря на возрастную и идейную неоднородность ее представителей, несколько десятилетий оставалась единым сообществом историков. Надо заметить, что искренняя заинтересованность В.И. Герье творчеством любого из своих воспитанников весьма контрастировала с довольно распространенным среди профессоров Московского университета формальным стилем взаимоотношений с коллегами и студентами. Р.Ю. Виппер, например, будучи и де-юре и де-факто учеником В.И. Герье, в то же время всегда с огромным пиететом относился к В.О. Ключевскому, лекции которого оказали серьезное влияние на формирование его исторических воззрений и которого он считал своим вторым учителем. Однако все попытки Р.Ю. Виппера вступить с В.О. Ключевским в неформальный научный контакт

сталкивались с безразличием последнего к творчеству своего «ученика». Книги, которые Р.Ю. Виппер регулярно присылал В.О. Ключевскому, не только не устаивались его отзыва, но даже часто оставались неразрезанными [7].

Чисто человеческое участие В.И. Герье в судьбе своих учеников выражалось и в его постоянной заботе о материальном положении учеников, а также об их служебном росте. Так получилось, что почти все ученики В.И. Герье, как и он сам, были выходцами из семей, материальное положение которых не позволяло им без посторонней помощи обучаться в университете, а тем более готовиться к научному званию после его окончания. И эта помощь постоянно приходила питомцам В.И. Герье в виде ходатайств к Совету университета о назначении им стипендий, о присуждении им премий за студенческие научные работы, единовременных пособий на поездки за границу. К этому следует добавить организацию заказов на переводы и обеспечение платными уроками во всех московских учебных заведениях, с которыми у В.И. Герье за долгие годы профессорской деятельности были налажены контакты.

Помимо помощи при выборе темы и фактического руководства написанием диссертаций, вклад В.И. Герье в научный рост его учеников заключался в написании предварительных заключений на их работы перед официальной защитой. Авторитет мнения В.И. Герье для членов Совета историко-филологического факультета Московского университета в 80–90-е гг. XIX в. был столь высок, что только в очень редких случаях решение Совета по диссертации расходилось с его рекомендациями. Например, в 1892 г. по настойчивой рекомендации В.И. Герье историко-филологический факультет счел возможным присвоить М.С. Корелину, защищавшему магистерскую диссертацию, сразу степень доктора всеобщей истории, что явилось первым случаем в истории Московского университета. Через два года этот случай повторился в отношении магистерской диссертации Р.Ю. Виппера. И вновь мнение В.И. Герье было решающим. «Герье решил, и факультет присудил доктора Випперу», – констатирует впечатление о защите Виппера в своем дневнике его друг М.С. Корелин [8].

Таким образом, личности В.И. Герье как ученого и учителя, несомненно, был присущ ряд достоинств, которые в глазах его учеников, делали простительными причуды его характера. Следует ли отсюда вывод, что последние совершенно не имеют отрицательных последствий для развития взаимоотношений наставника с учениками в созданной его усилиями научной школе? Думается, что не следует.

Обратим внимание на идейное и личностное одиночество В.И. Герье в последние годы жизни. Оно говорит, что терпимость большинства воспитанников В.И. Герье к свойствам его тяжелого характера, поддерживаемая признательностью за его бескорыстную поддержку на этапе становления их как ученых, все же не смогла предотвратить воз-

никшей со временем отчужденности, а иногда даже взаимной неприязни

В 1900-е гг. научный авторитет В.И. Герье перестает быть непререкаемым для находящихся в расцвете творческой зрелости молодых профессоров его кафедры Р.Ю. Виппера, Д.М. Петрушевского, А.Н. Савина. В дневниках последнего в 1900-е гг. Герье характеризуется как представитель «мертвых душ», как «кладбище» [7].

Отношения В.И. Герье еще с одним профессором, принадлежавшим к когорте его первых учеников, П.Г. Виноградовым дали трещину еще в 90-е гг. XIX в. Обострение отношений между В.И. Герье и П.Г. Виноградовым произошло во время учреждения в 1894 г. Исторического общества при Московском университете, когда П.Г. Виноградов настаивал на включении в члены общества всех членов своего кружка, в чем Герье увидел стремление П.Г. Виноградова сместить его с должности председателя.

В середине 90-х гг. XIX в. В.И. Герье рассорился и с другим своим бывшим студентом П.Н. Милюковым. Правда, в воспоминаниях [1] П.Н. Милюков утверждал, что В.И. Герье относился к нему предвзято и недоброжелательно еще в годы его студенчества, поскольку он, в отличие от других учеников В.И. Герье, не выказывал профессору должного подострастия. Но этому противоречит факт, о котором сообщает сам П.Н. Милюков: во время его первого конфликта с В.О. Ключевским, когда у последнего возникли сомнения относительно оставления П.Н. Милюкова в Московском университете на кафедре русской истории, именно В.И. Герье настойчиво убеждал его «остаться при университете по кафедре всеобщей истории». Таким образом, в данном случае П.Н. Милюков, скорее всего, опрокидывает в прошлое память о своих столкновениях с В.И. Герье, ставших перманентными, как и конфликты с П.Г. Виноградовым, после событий, связанных с учреждением Исторического общества. На организационном собрании П.Н. Милюков, вступив в дискуссию с В.И. Герье по поводу процедуры выборов, был резко оборван В.И. Герье («Вы забываете, где Вы и с кем Вы говорите!»). П.Н. Милюков тут же заявил о выходе из Исторического общества и невозможности участия в нем до тех пор, пока В.И. Герье будет оставаться его председателем [8].

В начале 1900-х гг. резко ухудшилось отношение к В.И. Герье со стороны студенчества. Будучи последовательным сторонником университетской независимости, В.И. Герье в 70–90-е XIX в. был против жестких репрессивных санкций власти по отношению к участникам студенческих выступлений. Причины последних он видел в правительственной политике, мелочно регламентирующей университетскую жизнь и толкающей тем самым студентов в объятия радикалов. В.И. Герье неоднократно обращался в министерство внутренних дел с ходатайствами за студентов, замеченных в беспорядках. В 1894 г. участие в делах опальных студентов едва не стоила В.И. Герье кафедры. Однако, по мере радикализации

студенческого движения, В.И. Герье, прежде терпимо относившийся к студенческому фрондерству, все меньше понимал ситуацию, когда молодые люди, пришедшие в университет для учебы, превращали его в политический клуб для произнесения революционных речей. На заседаниях Совета университета он из адвоката студенческого движения превратился в его раздраженного критика. Студенты, в свою очередь, стали относиться к нему как к одному из самых реакционных монстров в среде московской профессуры. В результате «...Герье приобрел ... репутацию реакционера, — вспоминал В.А. Маклаков, — ... студенты считали его отсталым педантом, застрявшим на старых позициях» [9]. Старый профессор, некогда защищавший студентов, участвовавших в обструкциях реакционных преподавателей, сам стал объектом подобных акций. Одна из них в конце 1904 г. носила особо оскорбительный характер. По свидетельству М.Н. Покровского, «... студенты прочли ему (В.И. Герье — Е.К.) в аудитории нечто вроде адреса наоборота, где говорилось, что Московский университет всегда будет стыдиться, что считал его в числе своих профессоров» [10]. После этого события В.И. Герье подал прошение об отставке с должности профессора и в декабре 1904 г. покинул университет, которому были отданы 40 лет жизни.

Новый болезненный удар В.И. Герье от коллег и учеников получил в начале 1905 г. Его кандидатура на ректорство Высших женских курсов была забаллотирована преподавателями, в результате чего он был вынужден расстаться и с этим своим любимым детищем. «Приглашенные мною лично профессора, — жаловался В.И. Герье в воспоминаниях, — лишили меня всякой связи с основанными мной курсами» [11].

Огромным потрясением для В.И. Герье стала смерть в 1915 г. жены Авдотьи Ивановны, которая терпеливо переносила все причуды его непростого характера, долгие годы была его верным другом и помощником. После ее смерти В.И. Герье вел уединенный образ жизни. Его одиночество скрашивали дочери. С их помощью историк писал и переписывал свое последнее произведение «Воспоминания».

Нельзя, конечно, утверждать, что лишь скверный характер В.И. Герье был силой, фатально раз-

рушающей добрые с ним отношения коллег и учеников. Безусловно были и другие факторы, способствовавшие этому. Думается, в случае с П.Г. Виноградовым, Р.Ю. Виппером, П.Н. Милюковым и А.А. Кизеветтером, активно участвовавшими в идейно-политической борьбе 1900-х гг., неприязнь к В.И. Герье, помимо творческих разногласий с ним и его личностных особенностей, питалась углубившимся расхождением политических взглядов. На фоне радикализации общественного сознания интеллигенции накануне первой русской революции политические убеждения В.И. Герье с его почтительным отношением к общественным институтам, сформированным российской историей, в глазах быстро левеющей русской профессуры выглядели ретроградными.

Вместе с тем, заслуживает осмысления и такой факт. В.И. Герье на протяжении всего творчества, был ревностным приверженцем философско-методологической позиции идеалистического историзма в трактовке исторического процесса и задач исторической науки и консервативным либералом, близким к Б.Н. Чичерину, по политическим убеждениям. Однако среди многочисленных учеников В.И. Герье, пожалуй, только М.С. Корелин и П.Н. Ардашев в известной степени разделяли его методологические и политические воззрения. Большинство же выпестованных В.И. Герье историков, к великому огорчению учителя, становились его оппонентами и в вопросах исторической теории, и в вопросах политики. Конечно, учителя и учеников разводило время, к новым веяниям которого ученики всегда более восприимчивы, чем учителя. Но не исключено, что личностные особенности В.И. Герье здесь тоже сыграли определенную роль. Непривлекательные черты в характере историка, как правило, не мешают объективной оценке его высокого профессионализма, проявляемого в конкретно-историческом творчестве, и мы готовы учиться у него методическим приемам работы с исторической эмпирией, умению безошибочно выбирать актуальные вопросы для будущих исследований и т. д. Однако философские и политические идеи слишком субъективны по своей сути, что бы мы могли оценивать их, абстрагируясь от личности человека, который их проповедует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). — М.: Современник, 1990. — 446 с.
2. Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. — М.: Искусство, 1997. — 386 с.
3. Готье Ю.В. Мои заметки // Вопросы истории. — 1992. — № 4–5. — С. 108–136.
4. Письма М.С. Корелина В.И. Герье. — Центральный исторический архив Москвы, Ф. 2202. Оп. 3. Ед. хр. 11. — Л. 4–51.
5. Письма Р.Ю. Виппера В.И. Герье. — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Ф. 70. К. 38. — Л. 117–189.
6. Письма П.Н. Ардашева В.И. Герье. — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Ф. 70. К. 36. — Л. 3–18.
7. Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. — М.: Изд-во МГУ, 1976. — 223 с.
8. Дневники М.С. Корелина. — Центральный исторический архив Москвы, Ф. 2202. Оп. 3. Ед. хр. 1. — Л. 34–138.
9. Маклаков В.А. Отрывки из воспоминаний // Московский университет, 1755–1930 гг. — Париж, 1930. — С. 267–298.
10. Письма М.Н. Покровского. — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Ф. 70. К. 32. Ед. хр. 1. — Л. 29–106.
11. Герье В.И. Воспоминания. — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Ф. 70. К. 32. Ед. хр. 1. — Л. 29–106.

Поступила 16.11.2006 г.